

Ланкин Вадим Геннадьевич

ЧУВСТВО СМЫСЛА: МОДУСЫ ЭСТЕТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

УДК 130.2

Автор:

Ланкин Вадим Геннадьевич, Томский государственный архитектурно-строительный университет, Россия, г. Томск, профессор, доктор философских наук

Рецензенты:

доктор философских наук, М.Н. Кокаревич;

кандидат философских наук, А.А. Курган

Ланкин В. Г.

А 22 **Чувство смысла: модусы эстетического сознания** – Praha :
Premier Publishing. 2024. – 116 с.

ISBN 978-80-88612-40-7

Тема этой книги – эстетическое сознание, эстетический смысл. Ключевая проблема, затронутая в ней, – включенность эстетического опыта осмысления в интегральное человеческое сознание и его взаимодействие с другими модусами человеческого ума и чувства. Ее решение предлагается на основе понимания сознания как события образования смысла. Это открывает новые возможности систематизации эстетических и вообще смысловых явлений, в частности, сопоставить классические и современные категории эстетики, обосновать особенности эстетики совершенства и деструктивной эстетики, а также соотнести столь непохожие друг на друга типы эстетической деятельности и арт-практики. Предлагается рассмотреть ряд метакатегорий, задающих новые ракурсы осмысления человеческой чувствительности – понятия телесности, игры, иронии и среды (энвайронмента). Книга предназначена для философов, преподавателей, студентов и всех, интересующихся проблемой природы человеческого сознания в многовариантном поле культуры.

Subscribe to print 19/11/2024. Format 60×84/16.

Offset Paper. Garinitura Arno Pro. Pec. liter. 12. Quantity: 500 copies.

Typeset in Premier Publishing Praha, Czech Republic.

Printed by Premier Publishing

Praha 8 – Karlín, Lyčkovo nám. 508/7, PSČ 18600, Czech Republic

pub@ppublishing.org, ppublishing.org

ISBN 978-80-88612-40-7

© Ланкин В.Г. 2024.

© Premier Publishing Praha, 2024.

Оглавление

Введение. Сознание и чувство смысла.	4
1. Своеобразие феноменов эстетического	13
2. Проблема природы эстетического события.	27
3. Эстетическое начало в истории культуры.	36
4. Чувство новых возможных миров и эксперимент с человеческими чувствами	44
5. Постмодерн: игра смысла и нонсенса	48
6. Эстетическое сознание как образование смысла	58
7. Классические категории эстетического сознания	61
8. Категории деструктивной эстетики: абсурд, жестокость, ужасное.	73
9. Единство и система феноменов эстетического сознания	78
10. Метакатегории современной эстетики: телесность, среда, ирония, игра	88
Заключение. Предчувствие интегрального сознания.	110

Введение. Сознание и чувство смысла

Сознание – то, что возносит человека над всем, что есть в мире. Вероятно, можно бесконечно долго спорить, насколько человек укоренен в животном мире, в каких именно конкретных аспектах он родственен ему. Но сознание это собственно то, что бесспорно представляет высшее проявление бытия – то, что и дает человеку тот уникальный статус в мире – статус универсально познающего, осмысляющего, переосмысляющего и творчески преображающего мир существа. Насколько живое отлично от неживого и представляет собою качественно иную, более высокую и совершенную структуру событийности, настолько же сознание отлично от живого и структурно-событийно выше живого в качестве феноменальной системной целостности, каковая может слагаться в мире бытия. И в то же время именно сознание это то, что до сих пор наиболее таинственно в этом мире, что требует внимательного изучения – принципиального понимания того, что есть сознание в сравнении с живым и неживым бытием, тонкого проникновения в его феноменальную структуру, что традиционно являлось прерогативой философии, в его динамическую структуру, что пытается сделать психология, а также, вероятно, и детального познания структур, которые нейрофизиология считает субстратными условиями активности сознания.

Сегодня доминирует информационно-цифровая технологическая утопия – она базируется на идее создания искусственного ума, который, либо превзойдет человеческий ум, либо сравняется с ним, ибо просто по масштабам своего распространения вытеснит человеческий ум. Но создание искусственного интеллекта – это только моделирование процессов управления – это технологизированная кибернетика. Искусственный интеллект сознанием не обладает, он программируется в горизонтах заданной целесообразности, будучи не способным к целеполаганию, не говоря уже о смыслообразовании. Но если бы люди всерьез захотели смоделировать искусственными средствами нечто, подобное человеческому уму, то базовая задача для этого лежала бы

отнюдь не в первую очередь в области микросхем и софта, а была бы сфокусирована на том, чтобы понять, каков человеческий ум, что такое человеческое сознание. И тогда уже адекватно отвечать, можно ли эту феноменально событийную структуру искусственно смоделировать или нет.

Поскольку, как сказано, сознание – нечто наиболее таинственное для современного знания, определений сознания довольно много и они довольно различны. Одни из них глубже и ближе к специфическому существу этого явления, другие более поверхностные, отображающие только некоторые существенные свойства, а порой и сбивающиеся на то, чтобы объединять сознание с познанием, сознание с чувством, сознание с автреференцией и автокоммуникацией и т.п. Лучшим определением представляется следующее: сознание это событие образования смысла¹ или – в горизонте возможного – способность актуально вступать в такое событие, активно переживать осмысление, образовывать новые смыслы. Это определение позволяет вывести и свойства рефлексии, и свойство самоосознания, и свойство ясности отчета и самоотчета, и свойство яркого переживания, и свойство согласования мыслей, и свойства интерсубъективности, выражение и понимания – все те свойства, которые обычно связывают со значением слова «сознание», – как эффекты событийной структуры образования смысла. Смысл же (заметим, столь же таинственное, слишком многообразно понимаемое и при этом столь же важное для философии и для науки понятие) при этом надо определить как явление целостности, образующейся в системных связях осознания². Смысл, согласно такому феноменологическому подходу

¹ Развернутое представление этого подхода дано в книгах: Ланкин В. Г. Явление смысла. Эстезис и логос. Томск, Изд-во ТГПУ: 2003. – 423 с.; Ланкин В. Г. Сознание как событие. Lambert Academic Publishing. 2021. – 187 с.

² Более подробно аргументированно об этом – в книгах: Ланкин В. Г. Артикуляция смысла: язык, логика, метафизика. Lambert Academic Publishing. Dusseldorf, 2020–90 с. Ланкин В. Г. Феномен сознания и вариантность смысла. Praha: Premier Publishing, 2022. – 80 с.

это образование целостной связности явлений, благодаря которой или в системе координат которой они образуют свои значения – связи друг с другом, отсылки друг к другу и к этому целому как таковому – значения именно в этом денном *смысле* – именно в этой целостной связности явлений, открывающейся, складывающейся в сознании. Смысл образуется в поле осознания – он явление сознания. И это ключевое явление, благодаря которому устанавливается сознание как феноменальное событие.

Системные связи и даже целостности имеют место, конечно, и за пределами сознания – связуемость и системность это свойство мировой событийности вообще. Но явление целостности – целостность как данность – это то, что происходит именно и только в сознании, – то, что образует со-знание как со-бытие, как имманентность данного – смысла.

Со-знание это соприкосновение, со-проникновение смыслов – имевшегося в сознании и новообразованного – в имманентном поле целостно данного (данного как явленная целостность). Это событие смыслового обновления. То есть осмысление всегда сопряжено с переосмыслением. Сознание в этом плане это не постоянное состояние человека – это событийные акты – переживания, озарения, обновления; сознание принципиально динамично, оно складывается как событие – оно обновляет целостное видение.

Неверно жестко скреплять сознание с мышлением. Мышление это развитая форма активности сознания – форма артикуляции смысла. Формы артикуляции смысла нарастают в истории человечества – это и формы речи, и формы образных сравнений, и формы чтения и письма, и силлогизмы разума, и символические иносказания религии... Но сознание первично образуется и до этих форм – как осмысляющее переживание, как *чувство смысла*. Переживание ребенка, не умеющего говорить – уже модус осмысления. Переживание архаического человека, выражаемое в естественных ассоциативных формах магии – это уже жизнь сознания. Чувство смысла – в основе всех событий осмысления. Что, конечно, не умаляет значения сложных форм артикуляции смысла, без сомнения, увеличивающих возможности осмысления действительности – возможности распространения смысловых связей в развитии культуры, в прогрессе познания.

Можно сказать, что смысл (с-мысл) это всегда имманентно данные в сознании соотношение смыслов – имевшегося (*своего*) и нового (*другого*). Новый смысл открывается как *другое*, но тут же и присваивается, оказываясь в имманентном поле *своего*. Он оказывается *своим-другим*, освоенным другим. В связи с такой феноменальной структурой *данности* образующегося *другого* смыслового целого *своему* смысловому целому можно выстроить систему вариантов образования смысла:

1) Исходное смысловое *свое* доминирует над образующимся смысловым другим – другое встраивается в свое, подчиняется «мне», становится расширением «моего» смысла. Таков рациональный модус смыслообразования – организуемый посредством моих суждений, моих понятий и представлений, моих умозаключений. 2) Но и *другое* как центр смыслообразования может доминировать над *своим*. Это мы видим, например, в религиозно-мистической интуиции: здесь «я», «мое» судится в свете высшего смысла *Другого*, здесь высший смысл Другого дается «моему» восприятию, моей интуиции. Этот тип сознания мы вслед за Г. Батищевым назвали «другодоминантным» (наверное, возможен и концепт «гетерономное»). А также возможен и вариант 3): Свое и другое феноменально равноценны, равноправно взаимодействуют в образовании расширяющегося таким образом пространства смысла – они со-чувствуют, со-переживают друг другу, как, например, автор и герой в художественном произведении, как автор и воспринимающий в эстетической коммуникации вообще. Собственно, таково смыслообразование эстетического типа. В эстетическом чувстве смысла *другое* оказываются соразмерным *своему*, а свое оказывается как бы распределенным сквозь другое, «расплавленным» в другом – свое и другое гармонично сочетаются в смысловом событии их со-растворения.

Если первый тип образования смысла можно идентифицировать как образ *самоутверждения*, то второй – как образ *самообновления*, а третий – как образ *самовоспонения* сознания.

В сознании человека, в развитии культуры эти образы осознания сочетаются, конкурируют, стремятся к конструктивной интеграции. Но зачастую они именно конкурируют – вплоть до конфликта: соотношение веры и разума, разума и поэзии, поэзии и мистики – это

существенные проблемы истории культуры. Но этим модусам осмысления присуща и естественная взаимодополнительность. Они в той или иной степени склонны к интеграции. Более того, их интеграция проявляется исторически как фактор развития сознания. У каждой из них имеются интегративные возможности. Разум может объединять в своем спектре и другие модусы смыслообразования – за счет объективной и адекватно, не редуцированной, их представленности в системе феноменологической теории сознания. Но для этого и сам – разум – должен предстать не как единственно верный стандарт осмысления, а как один из вариантов такового – включиться в интегральное сознание как интегрированный разум. Но, как ни старайся, разум останется разумом, а мистика и эстетика тогда останутся только проекциями, светящимися на экране разума. Интегральные возможности мистики еще более проблемны: С одной стороны осмысление в свете Первопричины и Высшего смысла, охватывается всё. С другой стороны, аксиомы мистической интуиции и веры способны отторгать все иное – обличать разум за его приземленность и феноменологический эгоцентризм и эстетику за ее универсальную «всеядность» и потенциальную безнравственность. Мистическая интуиция в своем пределе доходит до сожжения книг, в которых сказано не то, что в Коране, как это случилось с Александрийской библиотекой, или к сожжению музыкальных инструментов, как этом было сделано при Иване IV в Москве, по свидетельству Адама Олеария (XVII век). Впрочем, тяга к интеграции веры с разумом тоже всегда существовала в самом религиозном сознании – что сказывалось и в изысканиях средневековой схоластики, и в современной претензии теологии на звание науки среди прочих наук, и даже в аргументации отцов Вселенских соборов. Представляется, что интеграция двух основных способов образования смысла в той или иной мере, в том или ином сочетании культурных феноменов и мыслительных дисциплин необходима, и именно она составит в будущем основу развития человеческого ума.

При этом у эстетического типа образования смысла – свои особенности интеграции смысловых модальностей. В чувстве смысла этого типа как бы расплавляются все содержания человеческого переживания, действительно могут органично соединяться и легкая

игра иронии, и философская глубина и священная высота. Но не будем преувеличивать заранее – все это в особенной, именно как бы «расплавленной» консистенции. Философская мысль, прослеживающаяся в стихе, должна как бы чудесно рождаться из ритмической музыкальной речи, а не привносится прямо как рационально артикулированный силлогизм. Мистический смысл визуального образа символически просвечивает сквозь эстетические свойства иконы или картины – он артикулируется тогда не в прямом значении явленного Божественного, а в особом осмысляющем переживании – человеческом сочувствии.

Но есть и еще одна особенность – растворение смысла как такового в экспрессивной игре чувств – в воспроизведении игры увлекательной, но бессмысленной или близкой к этому. И это, если угодно, родовое свойство эстетического, а не только свойство современного поп-арта. Можно сказать, что искусства, арт-практики вообще, эстетическая деятельность вообще – все это родилось из естественных и спонтанных способов переживания и внешних форм его выражения, составивших некогда магический тип мышления. Эстетическое сегодня, эстетическое в эпоху цивилизаций – древних и новых – это, конечно, не магия. Но в основе его первичное и базовое чувство смысла в его спонтанной игре с бессмыслицей. Первичная организация смысла из бессмыслицы – рискованна; она призвана использовать бессознательное для моделирования осознания, но она может и растворить осознание в импульсах бессознательного без остатка. Современность, давшая так много новейших средств обращения к досознательным уровням человеческой психики – научившаяся воспроизводить так много анимации, суггестии, визуальности, тактильности, привлечения внимания и провокации сенсаций, – в высокой степени увеличивает этот риск спонтанной игры на грани сознания и бессознательного – на грани чувства смысла и увлекательной бессмыслицы. Интегративные способности эстетического от этого не усиливаются, а ослабевают. Как это ни парадоксально, создания множества технологически изощренных средств обращения к человеческим чувствам не содействует включению интуиции высшего духовного порядка, а как бы тянет вниз – воспроизводит образ переживания, подобный архаичной магии.

Эстетическая магия на основе хай-тек – это, кажется, главный симптом современных трансформаций в культуре и состоянии человека.

Эстетическое как чувство смысла – это одна из ключевых проблем современности. Она имеет множество граней, так как внутри эстетической интуиции – много модусов осмысления, отраженных в категориях философской эстетики, в ценностях культуры, изучаемых психологией на уроне эмоций, воздействий и восприятий. Классические, довольно хорошо изученные ментальные феномены здесь сочетаются с новыми явлениями сознания, с трудом подлежащими идентификации и объяснению.

Сфера эстетики – довольно давняя философская тема, особенно если принять, что ее начало не совпало с XVIII в., когда было предложено это, закрепившееся позже, название, а теряется в далекой древности: идеи, которые мы вполне можем идентифицировать как эстетические, можно встретить в культурных эпохах и философских школах древних цивилизаций. Но, несмотря на столь длинную историю эстетической рефлексии человечества, в этой области и сегодня остаются нерешенные проблемы. Более того, эстетика, возможно, как никакая сфера культуры, интенсивно изменяется – ведь в самой природе эстетического присутствует феномен обновления, – причем изменения такого рода проходят и сегодня, на наших глазах.

Вот проблемы, оставшиеся по наследству от классической философской эстетики XIX – XX вв. как не вполне решенные: природа эстетического, своеобразие эстетического в системе дополняющих друг друга модусов сознания и, соответственно, сфер культуры, систематизация эстетических категорий – как классических, так и современных.

Здесь проблематика выходит за рамки «вечных философских вопросов»: в XX в. в актуальной эстетике появляются новые ценностные ориентиры – выделяются новые категории, которые как-то надо логически объединить с устоявшимися ценностями и нормами, – с тем, чтобы эстетика осталась таковой, чтобы уверенно можно было идентифицировать ее предмет и чтобы ее эволюция тогда не превращалась в трансгрессию – в процесс экспериментов с человеческими чувствами, построенный исключительно на отрицании привычных чувств и их замене на новую чувствительность и «новую нормальность».

Другая проблема такого же рода – систематизация типов художественно-эстетической деятельности. Это древнейшая тема в эстетике – ее по-своему разрешал еще Аристотель. Но само понятие искусства, художественной деятельности постоянно трансформируется в истории; то, что оказалось искусством в XX в. с трудом вмещалось в то понятие искусства, которое утверждалось в XIX в. Сегодня же в особенности требуют осмысления те явления арт-практики, которые назвать надо именно так, ибо они не подпадают под стандартное классическое понятие искусства. И в то же время они претендуют на то, чтобы заместить искусство как доминирующий модус эстетической деятельности – представить эстетическую деятельность как влиятельную силу в современном обществе – силу, которую можно пытаться объяснять и как особенное явление культуры или же осмыслять ее как проявление современных социальных – информационно-психологических и информационно-коммуникативных технологий. Поскольку эти эстетический практики претендуют на то, чтобы существовать наряду с искусством или даже доминировать после искусства, в их принятом наименовании присутствует корень «арт-». Но образ эстетической деятельности здесь существенно иной. Это и экспериментальная эстетика (экспериментальная музыка, экспериментальная визуалистика), связанная как тенденциями минимализма и использования непривычных выразительных средств, так и связанная с развитием цифровых технологий и сетевых средств коммуникации, в таких проявлениях, например, как флэш-мобы. Это и популярная эстетическая культура и шоу-бизнес с характерными для него ценностными установками рейтинга продаж, количества подписок и лайков – с критериями бестселлера. Впрочем, порой приходится слышать довольно вескую оценку, что массовая культура не является собственно формой культуры, а выступает формой социальной технологии. Эту позицию хочется даже усилить – определить многие процессы современной арт-практики, сетевых массовых явлений и шоу-бизнеса как своего рода новую магию – магию, снабженную средствами хай-тек.

Развязывание этих проблемных узлов эстетической теории заставляет увидеть в особом ракурсе ряд связанных с ними понятий и тем. В качестве таковых надо выделить прежде всего тематику ценностных

категорий эстетики, как классической, так и неклассической, причем в проблемном поле их соотнесения. А также: аспекты феноменологической структуры эстетического сознания, позволяющие прояснить особую природу эстетического события; аспекты развития эстетических идей в самой художественно-творческой практике и др.

Это же заставляет рассмотреть ряд понятий в качестве эстетических метакатегорий – то есть категорий, несущих методологическое значение в качестве задающих новые ракурсы видения самого эстетического как такового – задающие новые ракурсы переосмысления человеческой чувствительности. Одной из таких метакатегорий является собственно понятие эстетического – его объем, содержание и смысл требует нового определения и объяснения в связи с современными тенденциями культуры и творчества. В качестве метакатегорий такого рода, характеризующих кризисное, переломное состояние современной эстетики, были выделены понятия телесности, игры, иронии и энвайронмента (среды). Их культурный смысл отчасти выходит за рамки эстетического, хотя их содержание и тесно интегрировано в сфере эстетики. В них отражена эстетическая специфика современной культурной эпохи.

Цель эстетической теории автор данной работы видит не столько в рациональном разъяснении тайн эстетического созерцания, сколько в феноменологическом прояснении эстетического события, не сводимого ни к каким другим способам осмысления и поэтому не подлежащей исчерпывающей рационализации. Задача – раскрыть феномены эстетического в их смысловом своеобразии, внутренней вариантности и множественности проявлений. Это, если угодно, задача в рамках рационального мышления, претендующего на значение интегрированного разума – найти способы и логические средства адекватной рецепции и интеграции эстетических смысловых явлений. Явления эстетического порядка, как мы сказали выше, не сводимы к рациональной мысли – они представляют собой один из вариантов внерационального образования и артикуляции смысла. Но научиться мыслить об эстетическом рационально – это важный шаг к формированию интегрального сознания.